

Меер Е.С., кандидат исторических наук, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (Россия)

И. ТАЛМОН И ШКОЛА А. КОББЕНА: ПРОСВЕЩЕНИЕ, ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ТОТАЛИТАРИЗМ

В статье осуществляется анализ дискурсов о связи между Просвещением, Французской революцией и тоталитарной демократией израильского историка И. Талмона, английского ревизиониста А. Коббена и его ученицы, британской исследовательницы Дж. Макдональд. Автор отмечает остающийся за кадром историографической литературы факт консультирования А. Коббеном И. Талмона при написании им знаменитой работы «Истоки тоталитарной демократии». В исследовании выделяются основные линии споров историков Великобритании относительно поиска истоков тоталитаризма в мысли Просвещения и Французской революции. Обращается внимание, что А. Коббен был не согласен с утверждением И. Талмона о тоталитарном характере Просвещения и опровергал его, критикуя написание истории с конца, «генеалогию идей», абстрактность освещения мыслей, конструирование репрессивной модели философов на основе отдельных примеров, неправомерное использование психоанализа, одномерность оценки. Демонстрируется, что сам А. Коббен склоняется к использованию линейных схем мысли, когда соглашается на проведение тоталитарных параллелей между Французской революцией и политическими режимами XX в., хотя временами колеблется в этом вопросе. Показано, что его диссертантка Дж. Макдональд, за счет использования, по сути, дискурсивного подхода, более комплексно отвергает тоталитарные оценки И. Талмона в отношении Просвещения, а также раннего этапа революции на основе широкого ряда контраргументов, которые продолжают мысль ее учителя и в то же время корректируют ее. Автор выясняет, что все три историка расходятся в интерпретации идей Сийеса.

Ключевые слова: Талмон, Коббен, Макдональд, Просвещение, Французская революция, тоталитарная демократия, Руссо, генеалогия идей, дискурс, психоистория.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-01-131-136

Введение

В 50-е гг. XX в. в условиях «холодной войны» в западной гуманитарной науке распространились различные концепции тоталитаризма для оценки фашистских режимов и сталинской модели власти в СССР [1]. Свой вклад тогда внес израильский историк Иаков (Джеймс) Талмон знаменитой книгой 1952 г., в которой он, вероятно, первым применил термин «тоталитарная демократия» [2, с.15,30]. В труде была предпринята попытка найти теоретические истоки тоталитаризма в идеях Просвещения, а первые практические шаги по его реализации – в политике Французской революции. Среди историков, откликнувшихся на эти новации, был англичанин Альфред Коббен, в то время приобретающий репутацию ревизиониста за пересмотр буржуазного характера Французской революции. Он как раз был специалистом по мысли Просвещения и сыграл важную роль в переоценке ее прямолинейной связи с революционной практикой. Ученица А. Коббена Джоан Макдональд, изучавшая влияние Руссо на революционеров в 1789–1791 гг., также присоединилась к обсуждению взглядов И.Талмона вслед за своим наставником. Мнения, исходящие именно от школы А. Коббена, представляют особый интерес, учитывая, что во введении к «Истокам тоталитарной демократии» И. Талмон благодарит британского историка (наряду с Э. Карром) за кураторство при написании монографии и за прояснение многих ее идей [14, p.viii].

Этот любопытный факт сотрудничества

остался за кадром в историографических исследованиях. Обсуждение взаимодействия мысли И. Талмона о связи Просвещения, Французской революции и тоталитаризма и школы А. Коббена по этой проблеме не было

предметом специального рассмотрения в российской историографии. Что касается англоязычных трудов, то мнения А. Коббена еще в 1960-е гг. привлекли внимание американского историка Питера Гэя, тогда изучавшего Просвещение, но он ограничивается анализом его контраргументов только в одной из работ [9, p. 280–281]. В 1990–2000-е гг. в монографии исследователя из США Эббота Глисона о тоталитаризме и «холодной войне» и в статье бельгийско-итальянского политического теоретика Алессандро Мулиери, сравнивающей концепции тоталитарной демократии И. Талмона и позитивной свободы И. Берлина, критики А. Коббена фигурируют в качестве цитаты и в сноске соответственно и также ограничены использованием одного источника [10, p.117–118; 13, p.460–461]. Какой-либо разбор интеллектуальных реакций Дж. Макдональд нами обнаружен не был, но современный израильский историк Жозе Бруннер в своей статье по «Истокам тоталитарной демократии» упоминает ее книгу о Руссо в качестве одного из примеров критики И. Талмона [4, p. 62, 81]. Интересно что в этом случае не фигурирует ее учитель. В этой статье мы ставим перед собой в качестве цели определить актуальные точки взаимодействия дис-

курса И. Талмона и школы А. Коббена, позволяющие лучше понять подходы обеих сторон относительно проблемы связи Просвещения, Французской революции и тоталитарной демократии.

Объекты и методы исследования

Источниковую базу, использованную в исследовании, составляют труды А. Коббена о Просвещении и Французской революции 1950–60-х гг., монография его ученицы Дж. Макдональд о влиянии Руссо на революционеров в 1789–1791 гг. (1965 г.), сама книга И. Талмона 1952 г., связавшая воедино Просвещение, революцию и тоталитаризм. В качестве методов в статье применяются историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический и дискурс-анализ.

Результаты и их обсуждение

Существенным для понимания ситуации научного взаимодействия является тот факт, что И. Талмон, польский еврей-эмигрант, закончивший в 1939 г. Еврейский университет в Иерусалиме на территории Палестины и работавший там же после образования государства Израиль, в промежуточный период между своими пребываниями на «земле обетованной» занимался наукой в Европе – во Франции, а после ее оккупации нацистами, в Великобритании. В Лондонском университете, где работал А. Коббен, в 1943 г. он защитил диссертацию [11, р.147–149; 14, р.viii, 265]. Благодарность, которую выражает А. Коббену И. Талмон во введении к «Истокам тоталитарной демократии», весьма похожа на те слова признательности, которые ученики английского историка оставляли ему в своих первых монографиях, публикуемых на основе диссертаций. Легко можно предположить на основе вышеупомянутого схожего дискурса, места защиты и единой сферы интересов, что книга И. Талмона была итогом написания диссертации, ранним плодом усилий школы А. Коббена. Но перед нами иной вариант научного сотрудничества, вероятно, ограниченный консультированием при написании монографии. Свою не особо любимую диссертацию под названием «Доктрина бедности в ее религиозных, социальных и политических аспектах как проиллюстрированная некоторыми движениями XII и XIII вв.» [14, р.265] И. Талмон защищал, скорее всего, под руководством оксфордского медиевиста Мориса Поуика, а «Истоки тоталитарной демократии» были отдельным проектом, вынашиваемым после окончания Второй мировой войны в Великобритании, на создание и продвижение которого повлияли разные историки [11, р.149–150], упоминавшиеся во введении к его книге. Загадочным образом имя А. Коббена в биографиях И. Талмона при изложении истории его первой монографии исчезает.

Интригуя читателя важной ролью своего

консультанта при написании «Истоков тоталитарной демократии», между тем И. Талмон в своей работе не комментирует взгляды английского историка на Просвещение и Французскую революцию. О влиянии последнего можно судить только по сноскам в обзорах литературы в самой монографии, но они весьма скупы. Вполне логично, что сослаться в 1952 г. И. Талмон мог на имеющееся тогда первое издание книги А. Коббена «Руссо и современное государство» 1934 г. (работа наряду с другими подтверждает мысль о неисчерпаемости литературы о всеобщей воле). Он также упоминает ряд работ, и Коббена в том числе, чтобы заявить тезис о том, что философ далек от преобладающих механистических и легалистических концепций государства и нации [14, р.277–278, 280–281]. Положение весьма абстрактное и мало понятное для читателя.

А. Коббен же в своих работах по Просвещению, опубликованных в 1950–1960-е гг., сделал позиции И. Талмона предметом для регулярного обсуждения, что означало, что с его точки зрения, они этого достойны [6, р. 181–182]. Однозначно он не был согласен на выведение практики тоталитарных демократий XX в. из мысли философов. Его основные возражения можно свести к следующим.

А. Коббен не одобрял написания истории с конца, в данном случае истории идей (эта критика станет популярной среди ревизионистских и постревизионистских историков впоследствии, вспомним хотя бы современного французского историка Р. Шартье, который пишет о подобном, хотя его мысль никоим образом не вытекает из книг английского коллеги) [3, с. 13–14]. Критерий установления связи между тоталитарной демократией и мыслью Просвещения, который его не убеждает, это сходство мысли [6, р. 183]. Сам А. Коббен практиковал противоположный подход. В своей книге о Руссо он изучал идеи философа в контексте его эпохи, абстрагируясь от интерпретаций последующих веков, которые акцентировали внимание на актуальных для их времени аспектах мыслей XVIII в. («приключений идей») [7, р. 14–16; 8, р.20]. И. Талмон же демонстрирует подход, который сам же обозначил как «генеалогия идей» [14, р. 253]. Он представляет собой веру в линейную схему исторического развития. Английский историк обращает внимание на то, что в отношении Руссо израильский исследователь допускает искажения мысли, игнорирует пояснения философа. Так А. Коббен и И. Талмон вследствие своих подходов интерпретируют всеобщую волю Руссо по-разному, хотя оба признают, что она для него являлась идеалом. И.Талмон видит ее как навязывание народу единодушия и беспрестанного участия в политическом

процессе сродни ситуациям тоталитарных демократий XX в., А. Коббен же настаивает, что суверенный народ у философа находится вне сферы действия исполнительной власти, он принимает законы, но это редкое явление, исключительная функция, кроме того описываемая модель касается малых по размеру государств [7, р. 30, 88, 91; 8, р.24; 14, р. 41, 43, 46–47].

А. Коббен показывает, что по сути И. Талмон конструирует тоталитарное Просвещение. Метод, который он здесь критикует, – это подбор отдельных примеров, среди которых самыми иллюстративными должны быть Гольбах, Гельвеций, Морелли, Мабли и Руссо, все остальные случаи французских философов единичны или отсутствуют, как английские мыслители вообще. Гольбах либерален, Гельвеций нетипичен и с сомнительными доказательствами, Морелли незначителен, Мабли всеобъемлющ в своей мысли и противоречив. Для Руссо А. Коббен применяет излюбленный аргумент из дискурса ревизионистов– «даже если согласиться, чего я не делаю». Если Руссо тоталитарен, а философы его считали врагом, это только будет означать, что Просвещение либерально [6, р. 183–184]. Сам А. Коббен оценивал мысль Руссо неоднородно, находя в его трудах либеральные, консервативные и революционные положения.

Во втором издании своей книги о Руссо (1964 г.) английский историк также пеняет И. Талмону, что тот приписывает теоретику «тоталитарный мессианский темперамент» на основе неверно приписанных идей, а потом оправдывает интерпретацию этих мыслей его характером [7, р. 29]. Действительно, И. Талмон пытается объяснить тоталитарный выбор Руссо его метаниями «измученного параноика» между природой и обществом, между свободой и дисциплиной. Он и предпочтением людьми тоталитарной демократии пытается объяснить через бегство от свободы к безопасности, стремление к бесконфликтности и полнейшей гармонии, склонность к перфекционизму [14, р. 38–39, 253–255]. Таким образом, подход «генеалогии идей» сочетается у И. Талмона с азами психологии. Сам А. Коббен, не соглашаясь на подобные научные изыски, в своем разделе по Руссо тем не менее вынужден обратиться к психологической стороне его биографии для понимания контекста возникновения идей, но без столь глобальных выводов, как у И. Талмона [7, р. 147–160].

А. Коббен пытается убедить читателя, что И. Талмон не понимает, что либерализм проистекает из мысли Просвещения. Но проблема израильского историка состоит в другом [14, р.1]. Кажется, что он местами игнорирует этот момент, вероятно, в связи с тем, что истоки либеральной демократии не являются предметом его изучения.

И в этом противоречие И. Талмона. С другой стороны, А. Коббен, понимая, что из мысли можно вывести разное, но апеллируя, что доказательств для тоталитарности Просвещения недостаточно, и делая его монолитным на либеральной основе [6, р. 185], просто уходит решать проблему в другую область. И в этом состоит его противоречие, хотя здесь это только следствие изучения идей в контексте своего времени.

Спасая мысль Просвещения от обвинений в тоталитаризме, А. Коббен не делает этого в отношении Французской революции. В этой точке его полемика с И. Талмоном прекращается, и он применяет терминологию, напоминающую теорию тоталитарной демократии, но не идентичную ей. Вторая мировая война навеивает ему аналогии с войнами революционной Франции, и он обнаруживает в конце XVIII в. первый набросок «тоталитарной войны» (у И. Талмона это «глобальная война за свободу»). Она основана на идее народного или национального суверенитета, заявленной в 1789 г. аббатом Сиейесом. Английский историк трактует ее как отождествление правительства с народом и отмечает ее пагубные последствия, в том числе для современного ему мира, ибо на практике такая демократия невозможна, но возможна такая вера, которая оправдывает любую политику тирании и агрессии, если она ведется от имени народа или нации [6, р. 188–193; 8, р.23–24; 14, р. 119–120, 129–131]. В отличие от А. Коббена, идея неограниченного народного суверенитета Сиейеса, изложенная И.Талмоном, содержит тоталитарный потенциал скорее в том, что за рамками нации остаются привилегированные меньшинства, превратившиеся во врагов, с которыми будет вестись беспощадная борьба [14, р. 72–75].

Английский историк напрямую и косвенно признает конструктивность противопоставления эмпирической либеральной и тоталитарной мессианской демократий и их уместность для описания ситуаций XX в. у И. Талмона [6, р. 182–183, 185, 192]. Но казалось бы окрестив революционную идею народного и национального суверенитета как тоталитарную, А. Коббен делает важные развороты. Он заявляет, что современные либеральные демократии тоже находятся под влиянием идей Французской революции [6, р. 193], мысль, которую И. Талмон тоже излагает [14, р. 70]. В первом томе «Истории современной Франции» 1965 г. историк сомневается, стоит ли применять современный термин «тоталитарное государство» для описания власти якобинцев (эта мысль осталась неизменной с первого издания книги 1957 г.). Основой для сомнений является религиозная толерантность Робеспьера [5, р.230]. В своей финальной статье по Просвещению 1965 г. он находит эмбрион тотали-

таризма скорее в диктатуре Наполеона, а не в революционных собраниях [8, р.24]. Это положение никак не комментируется, более того оно противоречит тому, что он писал ранее, заявляя, что Бонапарту нечему было учить французскую республику [6, р. 188]. Таким образом, призрак «генеалогии идей» И. Талмона то появляется, то исчезает в трудах А. Коббена, то смещается по времени.

Джоан Макдональд, ученица А. Коббена, в отличие от своего учителя последовательна в своем подходе при споре с И. Талмоном. Она, как и ее наставник, против написания истории с конца, того, чтобы судить о влиянии идей Руссо на революционеров на основе сравнений мысли, установления сходств, параллелей между ними. Она определенно не разделяет линейный подход «генеалогии идей». Более того, она идет дальше А. Коббена. Не используя в своей работе 1965 г. понятие «политический дискурс», но применяя термин «политический язык», она пытается показать, как многообразно интерпретировалась мысль Руссо революционерами в начальный период революции [12, р.vii, 4–10, 13, 22], предвосхищая тем самым новую политико-культурную историю, громко заявившую о себе в связи с празднованием двухсотлетия Французской революции (которая при этом может вовсе не происходить из ее труда).

Как и А. Коббен, его ученица, обсуждает выдвинутую И. Талмоном идею тоталитарности всеобщей воли у Руссо. Она прочитывает ее в контексте XVIII в., как и ее учитель, предлагая абстрагироваться от знания того, что произошло в истории впоследствии. Как и он, она считала, что речь шла о участии народа только в законодательстве, а не в осуществлении им исполнительных функций, а также, что это предполагалось редким явлением, чего И. Талмон не понимал. Дж. Макдональд обращает внимание более развернуто, чем А. Коббен, что осуществление всеобщей воли предполагалось в маленьких обществах, связанных общими традициями и интересами, и не имеет отношения к Франции. Этот идеал выборной аристократии не вязался с тем образом, который описал И. Талмон, – с прямой демократией и диктатурой у Руссо. Отсутствие меньшинств в таком варианте считается не признаком тоталитаризма, а следствием именно существования микрокосма. И. Талмон же призывает обратить внимание на неприятие французскими теоретиками XVIII в. разнообразия взглядов, партийности, их предпочтение единодушия, сопряженное с критикой привилегий и неравенства. При этом он, рассуждая о Руссо, отчего-то ссылается на Гольбаха, Морелли и физиократов. Если израильский историк ищет истоки коммунизма у Руссо, Дж. Макдональд настаивает на том, что мыслитель видится сторонником идеального общества среднего

класса. Признавая, что принуждение индивида в государстве – вопрос весьма скользкий и пограничный, Дж. Макдональд, в отличие от И. Талмона, находит его у Руссо только в качестве элементарного, без которого общество вообще не будет существовать. Она видит у философа идеального индивидуума, ответственного и сознательного, справедливого, высокоморального гражданина. Великого законодателя у Руссо Дж. Макдональд находит у истоков создания обществ в прошлом, и для нее он вовсе не диктатор будущего и революционер, как считает И. Талмон. При этом оба историка признают, что вдохновение мыслитель находит в истории прошлого – в Спарте и Риме (версия И. Талмона), в идеальном государстве Платона и кальвинистской Женеве (вариант Дж. Макдональд). Идеальное общество Руссо оценивается Дж. Макдональд, подобно А. Коббену, как статичное и консервативное, сам философ как антиреволюционер по своим взглядам, и в этой точке она явно имеет более умеренный взгляд, чем ее наставник. В конечном итоге исследовательница считает, что у Руссо в идеальном варианте общество и государство существуют для человека, для И. Талмона все наоборот [7, р. 88–89; 12, р.27–40; 14, р. 40–49].

На примере Сиейеса, Робеспьера и Сен-Жюста, которые считались И. Талмоном последователями Руссо в тоталитаризме, она пытается оборвать их простую, прямую связь. Сиейесу не нужен был Руссо, чтобы осуждать аристократические привилегии, Робеспьеру, чтобы освоить представление об абсолютной государственной власти. Сен-Жюст, когда он утверждал в 1791 г., что монархия – это лучшая форма правления для больших государств, мог следовать вовсе не Монтескье, как считает И. Талмон, а с тем же успехом Руссо, ибо в «Общественном договоре» была эта мысль. Но подчеркивает Дж. Макдональд, тоталитарная параллель мешает подобному признанию, а ее дискурсивный анализ, как мы видим, нет, всего лишь нужны доказательства. Руссо могли цитировать и монархисты во время революции, и это значение извлечено из чтения источников [12, р.17–21]. Особо Дж. Макдональд останавливается на оценке Сиейеса как главного руссоиста 1789 г. На основе источников она показывает, что аббат считал Руссо весьма слабым философом и вдохновлялся не им. Она утверждает также, что данный революционер ратовал за представительную систему, при которой депутаты были агентами суверенитета народа на период своего избрания, за редким исключением. Свой взгляд она оценивает, как противоположный позиции И. Талмона (вероятно, уподоблению Сиейесом Национального собрания народу Руссо [12, р.18,105; 14, р.74]. Сложность заключается в том, что израильский историк пишет и о представительных собра-

ниях, предполагаемых после принятия конституции, у Сиейеса. Очевидно также, что позиция Дж. Макдональд в этой точке расходится со взглядом ее наставника А. Коббена. Поскольку книга английской исследовательницы ограничена в историческом времени, она не имеет возможности серьезно обсуждать дальнейшие политические дискурсы, но очевидно, что никакие тоталитарные параллели в отношении Просвещения и революционных событий с точки зрения ее подхода не имеют смысла.

Заключение (выводы)

В результате написания данной статьи мы пришли к следующим выводам, которые могут рассматриваться как вклад автора в историческую науку. И. Талмон, израильский историк, получивший в Великобритании важный опыт взаимодействия с западным миром, А. Коббен, английский ревизионист, и Дж. Макдональд, британская исследовательница, представляют интересный случай научного взаимодействия по проблеме Просвещение–Французская революция–тоталитарная демократия. В этом треугольнике именно А. Коббен является связующим звеном, играя функциональную роль консультанта для первого и роль наставника для последней. Несмотря на то, что И. Талмон заявляет о влиянии на него английского историка, его историографический дискурс

не позволяет обнаружить существенных конкретных воздействий. А. Коббен же занимает промежуточное положение между позициями консультируемого им историка и ученицы, возвращенной в рамках его школы, находясь в ситуации сложного симбиоза уже сформированных у него взглядов и подходов с предложенными более молодым поколением. Несмотря на то, что сам А. Коббен заявляет свой подход как противоположный И. Талмону, Французская революция является той точкой, где подход «генеалогии идей» израильского историка просачивается в концепцию английского ревизиониста, несмотря на то, что мысль последнего активно сопротивляется этому влиянию. Дж. Макдональд, с другой стороны, предлагает противоположный И. Талмону подход, который по сути является дискурсивным анализом, и поддерживает мысль А. Коббена в опровержении им тоталитарного характера Просвещения. Точкой диссонанса и наполнения разными смыслами у всех трех историков является мысль Сиейеса, которая как перекресток влечет за собой разные заключения. В конечном итоге, самым противоречивым в своих дискурсах о Просвещении, Французской революции и тоталитарной демократии является именно А. Коббен, сочетающий в себе как историка, так и политического мыслителя.

Список литературы

1. Корнева Л. Н. Германский фашизм: немецкие историки в поисках объяснения феномена национал-социализма (1945–90-е годы). Кемерово: КемГУ, 1998. 128 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28364992> (дата обращения: 05.10.2019)
2. Михайленко В. И. Тоталитаризм в XX веке: Теоретический дискурс/ Михайленко В. И., Нестерова Т. П. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000. 196 с.
3. Шартье Р. Культурные истоки Французской революции. М.: Издательский дом «Искусство», 2001. 256 с.
4. Brunner J. From Rousseau to Totalitarian Democracy: The French Revolution in J. L. Talmon's Historiography// History and Memory. 1991. Vol. 3. №1. P. 60–85.
5. Cobban A. A History of Modern France. Book 1. The Old Regime and the Revolution. 1715–1799. New York: George Braziller, 1965. 278 p.
6. Cobban A. In Search of Humanity. The Role of Enlightenment in Modern History. New York: George Braziller, 1960. 259 p.
7. Cobban A. Rousseau and the Modern State. London – New York: Routledge, 2019. 184 p.
8. Cobban A. The Enlightenment and the French Revolution // Cobban A. Aspects of the French Revolution. New York: George Braziller, 1968. P. 18–28.
9. Gay P. The Party of Humanity. Essays in the French Enlightenment. New York: Alfred A. Knopf, 1964. 290 p.
10. Gleason A. Totalitarianism. The Inner History of the Cold War. New York– Oxford: Oxford University Press, 1995. 306 p.
11. Nacohen M. H. Jacob Talmon between Zionism and Cold War Liberalism// History in European Ideas. 2008. Vol. 34. №2. P.146–157.
12. McDonald J. Rousseau and the French Revolution, 1762–1791. London–New Delhi–New York–Sydney: Bloomsbury, 2013. 190 p.
13. Mulieri A. Liberalism against Democracy: A Comparative Analysis of the Concepts of Totalitarian Democracy and Positive Liberty in Jacob Leib Talmon and Isaiah Berlin // History of European Ideas. 2013. Vol. 39. №3. P.449–466.
14. Talmon J. L. The Origins of the Totalitarian Democracy. London: Mercury Books. 1961. 369 p.

J. TALMON AND SCIENTIFIC SCHOOL OF A. COBBAN: THE ENLIGHTENMENT, THE FRENCH REVOLUTION AND THE TOTALITARIANISM

The article analyzes the discourses on the connection between the Enlightenment, the French Revolution and totalitarian democracy by the Israeli historian J. Talmon, the English revisionist A. Cobban and his student, the British researcher J. McDonald. The author notes the fact that A. Cobban consulted J. Talmon while writing his famous work "The Origins of Totalitarian Democracy", which remains behind the scenes of historiographical literature. The study highlights the main lines of debate among British historians regarding the search for the origins of totalitarianism in the thought of the Enlightenment and the French Revolution. Attention is drawn to the fact that A. Cobban did not agree with the statement of J. Talmon about the totalitarian nature of the Enlightenment and refuted it, criticizing the writing of the history from the end, the "genealogy of ideas", the abstractness of the illumination of thoughts, the construction of a repressive model of philosophers on the basis of individual examples, the misuse psychoanalysis, one-dimensionality of assessment. It is shown that A. Cobban himself tends to use linear schemes of thought when he agrees to draw totalitarian parallels between the French Revolution and the political regimes of the 20th century, although he sometimes hesitates on this issue. It is shown that his dissertation student J. McDonald, due to the use of an essentially discursive approach, more comprehensively rejects the totalitarian assessments of J. Talmon in relation to the Enlightenment, as well as the early stage of the revolution, based on a wide range of counterarguments that continue the thought of her teacher and at the same time correct it. The author finds out that all three historians differ in their interpretation of Sieyès' ideas.

Keywords: Talmon, Cobban, McDonald, the Enlightenment, the French Revolution, the Totalitarian Democracy, Rousseau, genealogy of ideas, discourse, psychohistory.

References

1. Korneva, L.N. (1998). *Germanskii fashizm: nemeckie istoriki v poiskah ob'iasneniya fenomena natsional-sotsializma (1945–90-e gody)* [German Fascism: German Historians in Search of an Explanation of the Phenomenon of National Socialism (1945–90s)]. Kemerovo: KemGU. Retrieved 5 October, 2019 from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28364992>.
2. Mihailenko, V. I. (2000). *Totalitarizm v XX veke: Teoreticheskii diskurs* [Totalitarianism in the 20th century: Theoretical discourse]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.
3. Shart'e, R. (2001). *Kul'turnye istoki Francuzskoi revolyusii* [Cultural origins of the French Revolution]. M.: Izdatel'skii dom «Iskusstvo».
4. Brunner, J. (1991). From Rousseau to Totalitarian Democracy: The French Revolution in J. L. Talmon's Historiography // *History and Memory*, 1, 60–85.
5. Cobban, A. (1965). *A History of Modern France. Book 1. The Old Regime and the Revolution. 1715–1799*. New York: George Braziller.
6. Cobban, A. (1960). *In Search of Humanity. The Role of Enlightenment in Modern History*. New York: George Braziller.
7. Cobban, A. (2019). *Rousseau and the Modern State*. London – New York: Routledge.
8. Cobban, A. (1968). *The Enlightenment and the French Revolution // Aspects of the French Revolution*. New York: George Braziller. P. 18–28.
9. Gay, P. (1964). *The Party of Humanity. Essays in the French Enlightenment*. New York: Alfred A. Knopf.
10. Gleason, A. (1995). *Totalitarianism. The Inner History of the Cold War*. New York– Oxford: Oxford University Press.
11. Nacohen, M. H. (2008). Jacob Talmon between Zionism and Cold War Liberalism // *History in European Ideas*, 2, 146–157.
12. McDonald, J. (2013). *Rousseau and the French Revolution, 1762–1791*. London–New Delhi–New York–Sydney: Bloomsbury.
13. Mulieri, A. (2013). Liberalism against Democracy: A Comparative Analysis of the Concepts of Totalitarian Democracy and Positive Liberty in Jacob Leib Talmon and Isaiah Berlin // *History of European Ideas*, 3, 449–466.
14. Talmon, J. L. (1961). *The Origins of the Totalitarian Democracy*. London: Mercury Books.

Об авторе

Меер Евгения Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева (Россия), E-mail: jenumeer13@gmail.com

Meer Evgeniya Sergeevna – Candidate of History, Associate Professor of the department of General history, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafieva (Russia), E-mail: jenumeer13@gmail.com